

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ФОЛЬКЛОРНОЙ СЕКЦИИ ИНСТИТУТА АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1934

О. И. ШАЦКАЯ

МОТИВЫ ЖЕНСКОЙ ДОЛИ В ТУРКМЕНСКОЙ ЛИРИКЕ

Туркмения, вступившая на широкий путь социалистической реконструкции всего своего хозяйства, быстро и неуклонно меняет прежние отжившие формы своей жизни на соответствующие новые.

Исчезает старый быт с его пережитками. С ним вместе исчезнут и старинные песни „бахшей“, ¹ забудутся сказки, замененные новыми формами устного творчества и литературными произведениями молодых писателей Туркмении, и, может быть, только некоторые пословицы, поговорки и прибаутки в своем прежнем неизменном виде сохранятся в новом быту в новом их применении. ²

Вместе с тем, фольклорные произведения являются сплошь и рядом документами огромного исторического значения, помогающими расшифровать отдельные странички прошлого страны, в которой они создавались, и дающими возможность изучать быт человека, жившего в ней.

Многие научно-исследовательские учреждения как в самой Туркмении, так и в центрах, правильно учитывая и оценивая все эти факты, стараются, наряду с работами по записи нового творчества, — колхозного, в спешном порядке, пока не поздно, собрать и зарегистрировать и старые фольклорные произведения туркмен, командируя для этого на места целые экспедиции и отдельных лиц. ³

¹ Певцы, разделяющиеся на профессионалов и любителей. Выступают на пирах, свадьбах и в домашней обстановке. Репертуар разнообразный.

² Этот отдел туркменского фольклора особенно богат и красочен.

³ По собиранию туркменского фольклорного материала большие работы проведены сотрудником существующего в Ашхабаде Института туркменской культуры (Туркменкульт) А. П. Поделуевским. См. его статью „Стихотворный ритм гокленских народных песен“. Ашхабад, 1928. Опубликованы были некоторые записи по туркменскому фольклору ак. А. Н. Самойловича, М. Гельдиева и др.

Музыкальное оформление, текст и перевод стихотворных произведений [передавшихся большей частью устно] старинных туркменских авторов и нескольких женских песен

В 1930 г., летом, мне также удалось записать довольно много женских песен, поющих туркменками Мервского оазиса. Некоторые из этих песен я приведу здесь (пополнив их количеством стихотворением, сочиненным нашей современницей туркменкой Кейкиль Бердыкылычевой), но предварительно постараюсь дать краткую характеристику страны, женскому населению которой посвящена настоящая работа.

Туркмения, до завоевания ее царским правительством, находилась в той стадии, когда при наличии родового строя уже имеется довольно ярко выраженное деление на классы. Сделавшись царской колонией, Туркмения подпала под двойной гнет. Российское правительство, проводя политику по отношению к кочевникам туркменам через посредство своего вассала — хивинского хана, предоставило последнему право в свою очередь безнаказанно притеснять туркменское население. В случае надобности на помощь хану посылались войска для „усмирения“ восставших туркмен. Основная тяжесть такого подневольного положения, разумеется, ложилась на беднейшие классы туркменского общества, т. е. на большую его часть. Неудивительно, что находящаяся в подобных условиях Туркмения в течение многих лет продолжала оставаться страной отсталой в промышленном и культурно-политическом отношениях, страной полукочевого, а местами и кочевого быта, страной-колонией.

Совершенно иные задачи были поставлены революцией, которая уничтожила все преграды, тормозившие развитие Туркмении. На очередь встала задача превратить эту полупустыню¹ в обширную культурно-промышленную базу, использовав местные сырьевые богатства и специфические особенности ее климата. Потребовалось уделить серьезное внимание трудящейся части населения Туркмении, а также развернуть большую и ответственную работу среди отсталых туркменских женщин с целью их перевоспитания в активных участниц реализации намеченных планов.

Что же представляла собой туркменская женщина в недавнем прошлом?

До поездки в Туркмению, по некоторым печатным источникам, касающимся Средней Азии, у меня создалось не совсем правильное впечатление о прежнем положении туркменки: на основании этих работ можно было подумать, что оно значительно лучше, чем у живущих рядом женщин Узбекистана, Таджикистана, Персии и т. д. Но на месте я убедилась, что обстоятельства дела вовсе не таковы, как можно было предполагать. Одним из весьма обманчивых фактов явилось то, много раз упоминавшееся в печати обстоятельство, что у туркменских женщин не было в обычае носить на лице покрывало или закутываться в чадру. Как известно, ношение чадры, наряду со многими другими религиозными предрассудками, является влиянием мусульманства, которое не успело развиваться в Туркмении в такой

дается в книге В. Беляева и В. Успенского „Туркменская музыка“. ГИЗ, 1928. Сведения о самих туркменских поэтах старого времени мы имеем в многочисленных трудах А. Н. Самойловича.

¹ Большой процент общей территории Туркмении занимают пески пустыни Каракум.

сильной степени, как, например, в Узбекистане. Однако, у туркменок имеется обычай не менее унижительный — рот туркменки постоянно прикрыт концом особого головного платка (называемого „jaşmaq“), что служит эмблемой молчания. Существовало и еще множество других ухищрений, чтобы сделать ее положение бесправным и зависимым. Родовой быт, давно уже успевший дифференцироваться на классы, и вся обстановка, окружавшая туркменку в течение многих веков, породили целый ряд преследующих эту цель диких обычаев, в большинстве случаев узаконенных обычным правом, с которыми в настоящее время приходится так упорно бороться. Ранняя выдача замуж, купля и продажа, подневольное, зависимое положение, особенно после замужества, в бедных семьях — выполнение непосильных для женского организма работ, в богатых — часто встречающееся многоженство — все это являлось факторами, чрезвычайно тормозившими культурное развитие туркменки.¹

Для того, чтобы ускорить процесс повышения культурного уровня туркменской женщины, потребовалось возможно скорее пойти ей навстречу и помочь найти правильный путь к широкой дороге ее товаров — женщин более передовых в этом отношении республик СССР.

Однако, появившийся в 1923 г. первый декрет² о запрещении калыма имел незначительный успех, ввиду того, что трудящиеся Туркмении не были к нему подготовлены в достаточной мере. Совсем иные положительные результаты дали декреты 1926 г., касающиеся многоженства, калыма, выдачи замуж малолетних и развода, ограждающие права и интересы женского населения Туркмении, проекты которых были предварительно обсуждены на аульных собраниях и на широких дехканских конференциях.³

В настоящее время созданы основные условия, необходимые для культурного развития трудящихся туркменок. Особенно заметны успехи, сделанные в этом отношении за последнее время. Наблюдается быстрый рост количества женщин, работающих в различных предприятиях ТССР, и уже имеются туркменки, занимающие ответственные посты. Активное участие в перевыборных кампаниях возросло с 3.0% в 1927 г. до 67.5% в 1931 г.⁴ Многие из них вовлечены в средние и высшие учебные заведения, посещают различные курсы и т. д.

¹ Интересные сведения, частично освещающие быт туркменки, приведены в следующих статьях: 1) А. Морозова. Труд туркменки. (Влияние быта на направление женского труда в Туркмении). Туркменоведение, 1929, № 6—7, стр. 17—24; С. Морозова. К этнографическим характеристикам районов Туркмении. (Бытовая обстановка и женский труд в районе Джебельского аула). Туркменоведение, 1929, № 1, стр. 71—83.

² Еще до вступления Туркмении в СССР, которое состоялось в 1926 г., Советская власть начала укрепляться в Туркмении с конца 1919 г.

³ Перимова. Что дал Октябрь туркменской женщине. (О бытовом законодательстве). Туркменоведение, 1927, № 2—3, стр. 48. См. также статью В. Беловой „Женотделы в Туркмении“ (К X-летию женотделов), Туркменоведение, 1928, № 12, стр. 33—42.

⁴ Крылов. Советское строительство Туркменской ССР. „За социалистическую Туркмению“, 1932, № 3—4, стр. 30.

К сожалению, еще много трудностей и до сих пор стоит на путях освобождения туркменки. Туркменская женщина так мало развита, что пойти открыто против „адата“¹ ей стоит иногда больших усилий. Достаточно сказать, что процент грамотности среди женского населения аулов до недавнего прошлого был совсем ничтожен, и это обстоятельство делает окончательное раскрепощение туркменской женщины крайне затруднительным. Предстоит еще долгая и упорная борьба. Но сдвиг уже сделан. Даже туркменки кочевницы начинают понимать, что прежнее их положение изменилось. Мне в Ашхабаде рассказывали о некоторых выбранных на съезд делегатках, которые, несмотря на уговоры родных об отказе от участия в конференции, все же выезжали из своих аулов, хотя и в сопровождении всей семьи, так как в одиночестве делегатку на съезд не пускали домашние. (Такие „коллективные“ выезды делегатов вместе со своими домохозяевами отчасти объясняются тем, что кочевому или полукочевому туркмену не составляет особенно большого труда сняться с места со всем своим хозяйством.) Так и появлялись в городе целыми караванами: с кибитками, верблюдами, лошадьми и прочим имуществом.

Все этапы, проходимые туркменкой на путях своей истории, отражаются в ее песнях и других видах творчества. Здесь будут приведены несколько образцов, наиболее ярко фиксирующих в себе те эпохи, в которые они создавались: старое время — три женских фольклорных произведения и годы после революции — обращение в стихотворной форме к туркменкам одной из наиболее передовых среди них женщин, тов. Бердыкылычевой.

Первая из публикуемых ниже песен — старинная, характеризует собой тяжелое забитое положение молодой туркменской женщины, выданной замуж против воли в дальний аул. Она лишена возможности когда-либо увидеться со своими родными, подругами, выхвачена из родной, знакомой с детства обстановки и отдана в чужую семью, купившую ее как вещь и требующую от нее беспрекословного подчинения и повиновения. Начало песни указывает на то, что сама девушка очень хорошо понимает свое положение рабы, которую можно продать куда угодно. Но бороться у нее нет сил, она может только жаловаться:

čũñũl qıjā dāş atmāñ
 batar giđer ene-çān
 jāḍıllere q̄bjǽ ɬatmāñ
 jiter giđer ene-çān
 meniñ gitçek jǽḷma
 bādam ekiñ ene-çān
 bādam baş̣ q̄ajda^bnda
 bālām diğin ene-çān.²

¹ Обычное право.

² Пояснения, касающиеся принятой здесь транскрипции, см. в конце статьи.

В глубокий колодезь не бросайте камня:
 утонет он, исчезнет, [о,] душенька-мама!
 На чужую сторону не продавайте дочери:
 погибнет и пропадет она [о,] душенька-мама!
 На ту дорогу, по которой я уеду,
 посадите миндальное дерево, [о,] душенька-мама!
 Когда его вершина начнет увядать,
 [тогда] скажи „[это] мое дитя“ [о,] душенька-мама!

Далее она говорит:

deŋ-duşlorým θōrānda
 öld(i) diğın ene-çān
 āqām jeŋŋām θōrānda
 jitti diğın ene-çān

Когда спросят [обо мне] мои подруги,
 скажи [им]: „она умерла“, [о,] душенька-мама!
 Когда спросят [обо мне] мой старший брат [или] моя невестка,
 скажи [им]: „она погибла“, [о,] душенька-мама!

Из этих слов видно, что молодая туркменка в расцвете сил считала себя уже мертвой. Если принять во внимание, что туркменская девушка выдавалась замуж 10—12 лет, то станет понятным, как рано фактически кончалась ее жизнь. С этих пор, если даже брак был только формальным, девушка уже приостанавливалась в своем развитии, так как она тщательно оберегалась от посторонних влияний и в семье мужа была поставлена в зависимое положение.¹

Конец песни весь состоит из жалоб и сетований молодой женщины на свою горькую долю:

tōwθē-čānaq ičinde
 rājym qaldь ene-çān
 qьdьl čuwāl öŋündē
 or(ь)n̄m qaldь ene-çān
 āq mājan̄ŋ üθtündē
 or(ь)n̄m qaldь ene-çān

В [моей] чашке
 осталась моя доля, [о,] душенька-мама!
 Перед красным мешком
 осталось мое место, [о,] душенька-мама!
 На белой верблюдице
 осталось мое место, [о,] душенька-мама!

¹ См. Перимова, *ibid.*, стр. 48.

Ее мысли дома, у своих родных. Она вспоминает и чашку, из которой ела, будучи дома, и угол кибитки, где она сидела за работой: ткала ковры, шила платья и занималась другими хозяйственными делами.

В этом же углу, около своего „qýǵyl şuwâl“¹, она готовила себе приданое, чтобы впоследствии привезти его с собой „на белой верблюдице“ в далекую чужую сторону, в семью, куда ее отдали насильно. Какая обреченность!

Из песни видно, что молодая женщина уже успела почувствовать на себе тяжелое и зависимое положение, в какое туркменка обычно попадала в семье мужа.

Ей, например, долгое время, по крайней мере до рождения первого ребенка, как мне пояснили,² не разрешалось говорить вслух в присутствии родни мужа. Можно привести интересный факт, который я наблюдала при посещении семьи бывшего муллы в ауле Шор-Депе Мервского района. Одна из молодых невесток знала много женских песен, но непосредственно мне не могла их продиктовать, а тем более спеть, так как в присутствии свекрови не имела права говорить вслух. В то время был полдень жаркого туркменского лета, и вне кибитки работать было невозможно. Пришлось выйти из положения таким образом: „молодуха“ шепотом передавала на ухо старшей невестке слова песен, и та уже вслух повторяла их мне. Характерно, что подобные факты встречаются чаще всего в семьях бывших баев или служителей религии. Это особенно ярко бросается в глаза в том случае, если женщина является второй или третьей женой (по положению), часто проданной в такую семью бедняком-отцом скорее в качестве работницы, чем жены. Конечно не приходится сомневаться в том, что в самом недалеком будущем подобные остатки старого быта должны быстро исчезнуть.

Интересно рассмотреть приведенную старинную песню также и со стороны ее происхождения. Нужно сказать, что лирика, как наиболее интимный род творчества, реже заимствуется по сравнению с другими фольклорными произведениями (к которым, в первую очередь, следует отнести эпос и сказочный материал). Особенно показательна в данном отношении эта песня, настолько связанная со старым бытом туркменской женщины, что невозможно предполагать о заимствовании этого произведения из песенного репертуара какого-либо другого народа. Например, как свойственны и близки туркменке понятия о „qýǵyl şuwâl“, у которого было ее место в родном доме, о „tówǵe şāpaq“ — чашке, из которой она ела, и о прочих атрибутах домашней обстановки кочевой туркменской кибитки; здесь также непрерывно встречается относящаяся к окружающей природе терминология: упоминается и колодезь, имеющий громадное значение в пустыне, и не менее важный ее объект „белая

¹ Ковровый мешок, в который кладут различные носильные вещи. Вешается на стене кибитки. У кочевников туркмен подобные мешки заменяют собой сундуки и комоды.

² См. также: А. Морозова. Труд туркменки. Туркменоведение, 1929, № 6—7, стр. 18.

верблюдица“ и служащие кормом для этой верблюдицы специфические растения, произрастающие в песках, — все то, на что обращено главное внимание кочевницы пустыни, каковой и до сего времени во многих местах Туркм. ССР еще остается туркменка.

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что песня эта создана непосредственно в среде обитательниц туркменского аула. В книге В. Успенского и В. Беляева (стр. 37, 38, 121 и др.) имеются сведения и легенды о женщинах „бахши“ и поэтессах, сочинявших подобные произведения. (Особенно интересна легенда о знаменитой музыкантше Хелей-бахши, выгнанной братьями из дому за ее пристрастие к пению, так как пение считалось неприличным для девушки.)

В семьях бедняков положение женщины было всегда несколько иное, чем в семьях бывших привилегированных классов. Здесь реже встречается многоженство (в настоящее время, разумеется, лишь как остаток старого быта) и женщина ближе соприкасается с более развитым мужским составом семьи, вследствие того, что не являлось возможным поставить вторую кибитку для женского ее населения. Здесь женщина скорее могла себя почувствовать равноправным членом семьи, так как наравне с мужским ее составом занималась крайне тяжелыми в условиях Средней Азии полевыми работами и обязанностями, связанными со скотоводством (в богатых семьях эти работы обычно выполнялись наемными рабочими, иногда младшими по положению женами, в более отдаленные времена — рабами). Случалось, что терпение туркменки иссякало. Бедность и закабаленность, вместе взятые, вызывали реакцию, и туркменская женщина пыталась сопротивляться, что видно из следующей песни, в которой „молодуха“ старается не дать себя в обиду и отвечает на упреки и брань свекрови тем же:

θaʃaʃʊ(ʏ)np̄ jāʊ edip
gelinim dīp gelmedin̄
hoɾʃɨnp̄ʊɨndan ʃyqarɣp̄
parčam ʃoʃaʊaʔ dīp bermedin̄
nā jüdüñe keplāidin̄
bed-aθyl beð-ðāq qāin

Ты не приехала [к нам] с угощением,
говоря: „[о,] моя невестушка!“

Ты не вынула из своей сумки¹

и не дала мне, говоря: „[вот] это моя материя [в подарок тебе]“.
Какое ты право имеешь [так] говорить,
подлая, дрянная свекровь!

Тот факт, что туркменка разговаривает в дерзкой форме с женщиной, старшей по годам и положению в семье, указывает на то, что здесь имеют

¹ „hoɾʃɨnp̄ʊ“ — небольшая переметная сума.

место не совсем обычные для туркменской женщины бунтовщические настроения. Всякий, кто знает положение туркменки до революции, поймет, насколько такое поведение невестки выходило за пределы дозволенного. Молодая героиня этой песни, повидимому, происходила из небогатой семьи и за ее „воспитанием“ в духе того времени некому было следить. Возможно, что она была из семьи „кулов“,¹ которые являются потомками рабов, захваченных туркменами из Персии во времена „аламанов“,² и представляют собой по быту почти совершенно отуркменившиеся ячейки, уже вошедшие в состав туркменских родовых делений, но до недавнего времени еще пользовавшиеся некоторым антагонизмом, главным образом со стороны местного байства. Их дочерей богатые туркмены брали замуж неохотно, и поэтому девушки из таких семейств так же, как и бывшие рабыни „кырнак“ (qyrnak), чаще всего выдавались замуж за бедняков, не имевших возможности заплатить калым. Одна туркменка рассказывала мне о такой „кырнак“, если не ошибаюсь, из аула Чонгур: „муж ее был очень бедный, у него не было денег, чтобы заплатить калым, вот он ее и взял“.

Из слов молодой женщины, приводимых в песне, видно, что она также не была куплена за деньги, о чем она и дает понять свекрови:

jāṣ[◌]ulḃḥḅḳ(ḅ)ḡḅ jḅḳnājḅḅ
q(ḅ)rān θānār bermedinḡ

Ты не собирала своих стариков [для сватовства].

Ты не считала и не давала [за меня] деньги.

И вообще, она, повидимому, не чувствует себя ничем обязанной. Недаром свекровь порицает ее за то, что та не опускает перед ней головы из скромности и не ходит на цыпочках (как это делают невестки в других семьях):

ol ōwodā b(b)r gelin
menden jūđūnī hem aθ(b)jār
ōkčēθini qaldērbp
daraqlbθ(b)n bāθbār

В том ауле одна невестка

[при встрече] передо мной [из скромности] опускает лицо,

Подняв свои каблуки,

ступает на носках... (подразумевается: „а ты этого не делаешь“).

¹ „qul“ (قول) — раб.

² „Аламан“ — набег. До прихода русских (1881 г.) туркмены часто предпринимали массовые набеги на своих соседей, главным образом на персидскую границу, уводя у неприятеля скот, забирая имущество и пленников. Небольшими группами набеги совершались и после прихода русских. За свою поездку я часто встречался с нестарыми еще туркменами, рассказывавшими про былые набеги, в которых они участвовали.

И на упрек свекрови в том, что во время пребывания в доме родителей она мало заготовила себе приданого (обстоятельство, также указывающее на бедность невесты, потому что богатым девушкам обязательно приготавливалось в приданое большое количество ковров, паласов, одежды и пр.) — отвечает:

nāme işin̄ bar meniñ bilen
hālan̄m(i) ettim öimiðde

Какое тебе дело до меня,
у себя дома я делала то, что хотела.

Она чувствует себя обиженной бранью свекрови, тем более, что по ее мнению вела себя, как полагается невесте: ждала, не едут ли за ней родные жениха (посматривала по сторонам) и приводила себя в порядок, собираясь ехать в аул мужа.

ertir turup eilām beilām(i) qarjard̄m
aīnam baş đaraŋ̄m(ь) alyp artyp ʔaśm(ь) darjard̄m
ol ōwodān şoŋ̄owā
ōđimki dip geljard̄im
nā jüđün̄e keplājdiñ
bed-aŋyl beđ-đaq qāin

Встав утром, я посматривала по сторонам,
взяв свое зеркало и гребенку, я лишний раз
расчесывала себе волосы.

Из [своего] того аула в этот аул
я приезжала, считая его своим.
Какое ты право имеешь [так] говорить,
подлая дрянная свекровь!

Ненависть молодой женщины направлена, конечно, не по назначению. В то время перед туркменкой не было пути к развитию и образованию, она еще не умела распознавать своих настоящих врагов, ей казалось, что злая свекровь — вот ее главный враг, и ей, этой свекрови, она выражает свое недовольство.

Это песня тех туркменских женщин, которые жаждали освободиться от зависимого, бесправного положения, но еще не имели возможности провести в жизнь свое стремление, и недаром она долгое время считалась как бы запрещенной — её пели редко и осторожно, из боязни, чтобы не услышали старшие. Но в первые годы после революции, в переходный период, когда старинные печальные песни уже не соответствовали новым настроениям, а другие еще не были созданы, женская молодежь Туркмении воспользовалась подобными этому произведениями, и они настолько быстро и широко распространились, что их иногда принимают даже за новые:

По моим наблюдениям, в настоящее время особенно заметно бросается в глаза относительно свободное положение бывших рабынь „кырнак“. Рабство, как пережиток дофеодалного строя, существовало в Туркмении довольно долго; еще во времена русского владычества некоторые богатые туркмены неофициально имели пленных женщин-рабынь. Таким образом, может показаться странным, как могли эти самые отверженные из отверженных в такой сравнительно небольшой срок превратиться в наиболее независимых женщин Туркмении. Но при более вдумчивом отношении к этому факту он становится вполне объяснимым. Не следует забывать, что рабы являются прежде всего орудиями производства, и владельцы их имеют целью в максимальной степени использовать работоспособность своих говорящих машин. Поэтому рабыня у туркмен имела возможность не соблюдать считавшиеся обязательными для туркменских женщин обычаи адата, которые мешали ее работе; например, пленницам разрешалось находиться вместе с мужчинами, не закрывать рот „яшмаком“, не надевать на голову тяжелый „соммок“¹ и пр. За их „нравственностью“, т. е. опять-таки, главным образом, за выполнением различных предрассудков, никто не следил. Исключения имели место, но довольно редко, чаще всего в тех случаях, когда невольница становилась женой (вернее наложницей) своего хозяина. Все эти „привилегии“ после революции превратились для них в привилегии без ковычек. Бывшие рабыни могли первыми порвать со старыми обычаями и предрассудками — все равно им нечего было терять.

Недаром наиболее отсталые матери туркменки, бросая упреки своим комсомолкам-дочерям, иногда говорят: „ты не соблюдаешь наши старые обычаи, не закрываешь рот „яшмаком“, как тебе не совестно, — ты стала совсем, как „кырнак“.

Одна из старинных женских песен, по преданию, принадлежит поэтессе Ай-Джемаль-Кара и заключает в себе слова поэтессы, обращенные к рабыне персиянке. Ай-Джемаль-Кара, тронутая необычайно тяжелым положением матери, оторванной навсегда от своих детей и попавшей в вечное рабство, сочинила на этот сюжет песню, в которой говорит о тоске рабыни по своей дочери Ораз-Гюль и сыновьях, оставшихся на далекой родине, и уговаривает пленницу примириться со своей судьбой:

orāḍ-gūl dīr āh-b-ḍārḡḡ
 āqlaj āqlaj kōr dīr gōḍīḡ
 peidā-wermez ḡoḡkū ḡōḍīḡ
 indi qajil gelgin q̄rnaq

¹ „Соммок“ (ḡoḡmoq) — высокая шапка с металлическими украшениями, которую постоянно носили замужние туркменки (за исключением женщин из племени йомудов). Этот головной убор сильно стеснял все движения женщины. Шапки у богатых туркменок состояли иногда почти сплошь из позолоченного серебра.

oraǰ-gũlden ārān ačtyn
 gòðeňnen qānn̄ jāsla deştin
 oqlonnârdân daşa düştin
 indi qajil gelgin q̄rnaq

Твои вздохи и вопли — Ораз-Гюль,
 твои глаза от плача ослепли,
 [но] поздние слова твои не принесут пользы,
 так примиришь же теперь [с этим] рабыня!

Ты отделена от Ораз-Гюль,
 кровавыми слезами из твоих глаз ты [их] пробуравила (насквозь),
 ты оказалась вдали от [своих] сыновей,
 так примиришь же теперь [с этим] рабыня!

Чувствуется, что автор этой песни, сама страдающая от своего подневольного положения, искренно жалеет еще более несчастную женщину. Вообще в сознании туркмен-бедняков можно было довольно часто наблюдать подобную же теплоту и участие по отношению к пленникам. Интересно отметить, что родители, лаская своих дочерей, называют их „кырнак“, как бы с оттенком жалости (ср. русское „жалеть“ как синоним глагола „любить“, встречающееся в деревенском быту).

Совершенно другие, не встречающиеся ни в одной из приведенных выше песен, мотивы мы слышим в стихотворении, сочиненном в наше время одной из передовых женщин Туркмении, тов. Кейкиль Бердыкылычевой. В этом сочинении видны иные настроения, иные мысли. Процесс осознания туркменкой своих прав отразился и на словах ее.

Как было указано выше, в городах и аулах Туркмении уже появились женщины, почувствовавшие, что имеют право на свою независимость. К ним-то и обращается тов. Бердыкылычева с призывом:

Qara øide qabalyr jatan ajallar,
 Şu gyn azatlyqа сыqсаq gynyizdir;
 Deňlik ycin suvsap jatan ajallar,
 Naqym ber dijiр doqlыr baqсаq gynyizdir.¹

Женщины, заключенные в мрачных кибитках,
 Сегодня день вашего освобождения;
 Женщины, жаждущие равноправия,
 Настал ваш день, когда [вы можете] смотреть вперед
 с требованием справедливости.

¹ При перепечатке этого произведения везде сохранено обычное туркменское новое правописание.

Она зовет на борьбу с теми, кто стоит на дороге к равноправию:

Ərler qarşy bolsa, kəjsinler janyp,
Baqman oňa siz, calşşyň ojanyp:
Azatlygyň şerbetinden siz qanyp,
Bu gyn zulmny ejin jýqçaq gynyjizdir.

Если мужчины будут противиться — пусть они сгорят в огне,
Не смотрите на них, работайте и пробуждайтесь:
Сегодня настал ваш день свергнуть кибитку угнетения,
Услаждаясь (удовлетворяясь) шербетом свободы.

Правда, у тов. Бердыкылычевой не указано, какие именно „мужчины“ станут противиться, но совершенно ясно, что она здесь подразумевает наиболее отсталую часть туркменского населения во главе с бывшими баями и муллами, так как именно эти его слои являются главными противниками раскрепощения женщин.

Она говорит и о тяжелом прошлом туркменки;

Deň-duşymyz duşman pula satdylar,
El-ajaçymyz baçlap quja atdylar;
Dert-bəşimizi bir puldara satdylar,

Наших подруг продавали за вражеские деньги,
[Нас] бросали в колодцы, связав нам руки и ноги;
Нас продавали по четыре-пять [разом] одному,
имеющему деньги...

И, как бы указывая на контраст нового со старым, — продолжает:

Indi azatlyga syqçaq gynyjizdir.
Oktjabrdan soňra biz azat boldyq,
Qoldan giden haq-huquqymyz aldyq...

...Теперь настал день вашего освобождения.
После Октября мы стали свободны,
Мы получили утерянные нами права...

Тов. Бердыкылычева не забывает напомнить и о том, что в Туркмении имеется еще не мало женщин, которым подобные ей активистки должны помочь и помогают избавиться от тяготевшего над ними векового невежества:

bzda qalan baçylara gəz saldyq,
Çebir-zulmny ejin jýqçaq gynyjiz [dir].

Мы направили взор на старших сестер, оставшихся позади, —
Настал ваш день свергнуть кибитку обид и угнетения.

У нас имеется не очень много образцов фольклора этих новых передовых женщин Туркмении — их художественные потребности, повидимому,

удовлетворяются, главным образом, письменной литературой, широко развивающейся в Туркм. ССР за последние годы. К этим массовым произведениям принадлежит и стихотворение тов. Бердыкылычевой, которое приведено выше, как образец творчества новой туркменской женщины. Оно хотя еще и заключено в старую форму, но наполнено совершенно другим свежим содержанием.

Так перекинулся мост от фольклорной лирики к письменной художественной литературе.

Из приведенных здесь фольклорных образцов видно, что туркменская женская лирика вовсе не так примитивна, как высказываются о ней Аршаруни и Вельтман в своей книге „Эпос Советского Востока“ (стр. 41). Изобразительные средства туркменкой в достаточной мере использованы. Мы здесь находим весь богатый антураж устной песенной лирики: сравнения, метафоры, аллитерации и пр. Конечно, туркменская женщина не поет о том, что ей неизвестно, — ее внимание непосредственно направлено на окружающую среду и на свои отношения к этой среде. Но доступный ее наблюдению материал почти целиком находит свое отражение в ее песенном творчестве. Примеры этого из первой песни мною приведены выше. Во второй песне также имеется большое количество интересных подробностей, относящихся к туркменской жизни.

Первая песня представляет собой замечательный образчик строго выдержанной аллитерации:

čünjül qıjā dāş atmān
batar giđer ene-čan
jāđ~illere qıjđ ōatmān
jiter giđer ene-čan
meninġ gitçek jöl̄ma
bādam ekinġ ene-čan
bādam baş̄ qāidaⁿnda
bālām diġin ene-čan
meninġ gitçek jöl̄ma
čoojon ekinġ ene-čan
čoojon baş̄ qāidaⁿnda
čoojduġ diġin ene-čan
meninġ gitçek jöl̄ma
janđaq ekinġ ene-čan
janđaq baş̄ qāidaⁿnda
jand̄n diġin ene-čan
meninġ gitçek jöl̄ma
q̄bđoġan ekinġ ene-čan
q̄bđoġan baş̄ qāidaⁿnda
q̄bđ̄m diġin ene-čan

и т. д.

Размер этой песни семислоговой, весьма распространенный у всех „турецких народов“.¹ Количество слогов последовательно выдержано во всей песне. Встречающиеся якобы отклонения от этого размера в двух ее местах, объясняются тем, что слово „огъпым“, которое имеется в обеих строчках, произносится туркменками „ог(ь)пым“, т. е. с очень кратким первым „ь“, что дает возможность и этим строкам при пении оставаться семислововыми. Рифма с повторяющимся через строку редифом (ene-çān) не всегда полноценна, т. е. иногда является ассонансом (jōl̄ma-qāida^{nda}), но проведена вполне последовательно. Музыкальные стихи песни, богатые образами природы, в своей форме и в своем языке как бы передают ту печаль и безнадежность, которые пронизывают содержание всей песни. В них нет бунтовских отклонений от правильных, размеренных классических образцов старинной туркменской фольклорной поэзии. То же самое можно сказать и о третьей песне, выдержанной целиком в восьмислововом размере.

Но вторая песня, заключающая в себе спор свекрови с невесткой, представляет собою несколько иной вид произведения. Стих здесь много вольнее и сильно отличается от шаблонной, строго размеренной поэтической речи. В него врываются повторяющийся несколько раз нерифмованный припев и не вполне соответствующая по форме всему стихотворению концовка. Количество слогов колеблется от семи до семнадцати.

Основной тон всего этого произведения, его слог и форма указывают на то, что по своей структуре и тематике оно является как бы характеризующей собою одну из переходных стадий к другим туркменским песням с новыми сюжетами, иной словесной инструментовкой, иным строением, — к песням Октября.

В этих новых песнях уже не найдут себе места мотивы тяжелой „женской доли“, — о ней молодежь Туркмении будет знать только лишь по печатным источникам и по рассказам стариков. Иная доля ожидает туркменку, та, о которой говорит Кейкиль Бердыкылычева в последнем четверостишии своего стихотворения:

Aň-bilim hynerden jene yliši,
Almaq ucin bu gyn syqsaq gynyňizdir.

Настал ваш день выйти сегодня, чтобы взять
И [вашу] долю из знаний, наук и искусств.

В заключение привожу полностью все разобранные здесь произведения. Две первых песни записаны от жителей аула „Бай“ Мервского района, Ашхабадского округа, Гюзель Непеслиевой, 35 лет, из рода „Тохтомыш“ (toqtom̄ş), — первая песня, и, Мухаммед-Назара Гельдиева, 21 г., из рода „Утомыш“ ((u)tom̄ş, baq̄ş, miriř) — вторая. Третью песню —

¹ Корш. Древнейший народный стих турецких племен. ЭВО, т. XIX; B. Fabó. Rhythmus und Melodie der türkschen Volkslieder. Keleti Szemle, VII.

сочинение Ай-Джемаль-Кара — сообщила туркменка из аула „Первый Кара-Яп“, того же округа, по имени Дурды, дочь Уста-Кошо, 42 лет, из рода „Утомыш“ ((u)tomъş, baŋşь, čeltek). Четвертое произведение перепечатано из сборника стихотворений: „Tyrkmen jaş qoşŋьsьlarь. (Dil-edebijat maŋarьf medenijet haqьnda)“. Ёŋnar, tertibe salan: M. Geldijew. Aşŋabat, Tyrkm. devl. neşrijatь, 1931, стр. 29—30.

ТЕКСТ И ПЕРЕВОД
ТРЕХ
ТУРКМЕНСКИХ
ЖЕНСКИХ ПЕСЕН
И СТИХОТВОРЕНИЯ
К. БЕРДЫКЫЛЫЧЕВОЙ

Объяснение знаков транскрипции

Знаком „l“, принятым в туркменском алфавите, транскрибируется звук, имеющий в туркменском языке среднюю артикуляцию между русским велярным „л“ и передним латеральным „l“, с небольшими отклонениями в ту или иную сторону.

Звук „q“¹ — озвонченный „q“ (взрывной) в отличие от спонанта „q“. В мервском диалекте чередование трех звуков „q—q̄—q“ в начале слова — обычное явление.

Знаком „d“ транскрибируется оглушенный звонкий (*media lenis*). Переходные от „d“ к „t“ звуки в исследуемом диалекте встречаются во всех фонетических позициях. Обычные „t“ и „d“ у туркмен альвеолярные.

„s“ всюду произносится как английское „th“ глухое, а „z“ — как английское „th“ звонкое. Мы обозначаем их знаками „θ“ и „ð“. Чистых „s“ и „z“ в текинском диалекте нет.

„w“ — губно-губное „v“. Находясь между двумя гласными, иногда сливается с ними в один долгий: *duwul > dūl*. Следует отметить особую лабиализацию гласных перед „w“, например, *tōwse < tewse (< tepsī)*, *towşon* (иногда *toqşon*) < *tawşan* (второе „o“ в этом слове объясняется гармонизацией гласных, существующей в диалекте текинцев).

Знак „j“ обозначает собой среднеязычный фриктивный звонкий согласный, какой мы имеем в словах „jāḍ“, „jōl“ и даже в слове „q̄bjḍ“, в том случае, если это слово не имеет после себя приставки.

¹ Этим же знаком я пользовалась и при записи аналогичного звука, имеющегося у азербайджанских татар: О. Chatskaya. *Quatrains populaires de l'Azerbaïdjan*. *Journal Asiatique*, 1928, № 2, t. CCXV, II, p. 232.

„g“ в некоторых словах (например *digin*) является не обычным взрывным звуком „g“, а скорее фрикативным. В нашей транскрипции особыми значками не отмечается.

Знак $\check{c}$ = рус. ч.

Широкое долгое „ā“ в латинизированном туркменском алфавите пишется через знак „ä“. Обычные „ö“, „ü“ пишутся через „o“, „u“. Мы оставляем для этих звуков знаки международной транскрипции.

Знаки „o“ и „ü“ обозначают „ö“, „ü“ более задней артикуляции. Звуки эти встречаются обычно только в первом слове слова.

Неслоговое „i“ в дифтонгах типа „āi“ (луна), в отличие от „j“ транскрибируем знаком „i“.

В словах, имеющих в первом слове звуки „o“, „u“, „ö“, „ü“, гласные в последующих слогах также лабиализируются, например, *ōwo* вм. *ōwa*, *quloq* вм. *qulaq* и т. д. Иногда лабиализация бывает неполная, тогда получаются средние звуки, транскрибируемые нами через значек $^{\circ}$ над соответствующей буквой. Таким образом в мервском диалекте получают следующие типы гласных:

a — o	и	средний	между	ними	$\overset{\circ}{a}$
ь — u	„	„	„	„	$\overset{\circ}{b}$
e — ö	„	„	„	„	$\overset{\circ}{e}$
i — ü	„	„	„	„	$\overset{\circ}{i}$

Нами на месте зарегистрированы еще средние звуки „a“ — „ь“ и „e“ — „i“. В приведенном тексте встречается только первая из этих двух комбинаций. Мы этот звук транскрибируем через „a^b“ (близок к звуку ь в русских словах *кѣнитѣль*, *бѣрадѣ*).

Долгие гласные обильно встречаются в туркменском языке. Длительность их различна и зависит от многих причин. В целях упрощения передаем их все одинаково через общепринятый знак долготы над соответствующей буквой.

Краткие (редуцированные) гласные поставлены в скобках. Длительность их также различна.

Все остальные буквы нашей транскрипции соответствуют латинизированному туркменскому алфавиту.

Фонетические особенности в произношении текинцев, не встречающиеся в приведенных текстах, нами здесь не рассмотрены.

çûñül¹ q̄ujā dāş atmāñ
 batar giðer ene-çān
 jād̄illere² q̄bjð ðatmāñ
 jiter giðer ene-çān

menin̄ gitçek jöl̄ma
 bādam ekin̄ ene-çān
 bādam baş̄ q̄ajda³nda
 bālām digin ene-çān

menin̄ gitçek jöl̄ma
 çooqon ekin̄ ene-çān
 çooqon baş̄ q̄ajda³nda
 çoolduñ digin ene-çān

menin̄ gitçek jöl̄ma
 jandaq ekin̄ ene-çān
 jandaq baş̄ q̄ajda³nda
 jand̄ñ digin ene-çān

menin̄ gitçek jöl̄ma
 q̄bðoñan ekin̄ ene-çān
 q̄bðoñan baş̄ q̄ajda³nda
 q̄bjð̄m³ digin ene-çān

deñ-duşlor̄m ðōrānda
 öld(i) digin ene-çān
 āoñam jeññām ðōrānda
 jitti digin ene-çān

tōwθē-çānaq içinde
 pāj̄m q̄ald̄ ene-çān

¹ В литературном языке пишется „сип̄r“. В данном случае имеет место диссимиляция „r“, т. е. замена его через „l“.

² Здесь долгое „i“ в слове „il“ потеряло свою долготу, вследствие слияния в произношении этого слова с предыдущим.

³ В слове „q̄bjð“, в случае добавления к нему местоименного, падежного и прочих суффиксов, начинающихся на гласный, согласный, фрикативный, „j“, превращается в неслоговое „j̄“.

В глубокий колодезь не бросайте камня:
Утонет он, исчезнет, [о,] душенька-мама!
На чужую сторону не продавайте дочери:
Погибнет и пропадет она, [о,] душенька-мама!¹

На ту дорогу, по которой я уеду,
Посадите миндальное дерево, [о,] душенька-мама!
Когда его вершина начнет увядать,
[Тогда] скажи: „[это] мое дитя“, [о,] душенька-мама!

На ту дорогу, по которой я уеду,
Посадите „чогон“,² [о,] душенька-мама!
Когда его верхушка начнет увядать,
[Тогда] скажи: „ты вся выкипела“,³ [о,] душенька-мама!

На ту дорогу, по которой я уеду,
Посадите „яндак“,⁴ [о,] душенька-мама!
Когда его верхушка начнет увядать,
[Тогда] скажи: „ты [вся] сгорела“, [о,] душенька-мама!

На ту дорогу, по которой я уеду,
Посадите „кызган“,⁵ [о,] душенька-мама!
Когда его верхушка начнет увядать,
[Тогда] скажи: „[это] — моя дочь“, [о,] душенька-мама!

Когда спросят [обо мне] мои подруги,
Скажи [им]: „она умерла“, [о,] душенька-мама!
Когда спросят [обо мне] мой старший брат [или] моя невестка,⁶
Скажи [им]: „она погибла“, [о,] душенька-мама!

В моей чашке⁷
Осталась моя доля, [о,] душенька-мама!

¹ Это четверостишие приведено в переводе у гг. Аршаруни и Вельтмана: „Эпос Советского Востока“, стр. 42.

² „Чогон“ — мыльная трава.

³ Здесь, вероятно, имеется в виду вспенивание и выкипание отвара, который готовится из этого растения для мытья головы.

⁴ „Яндак“ — колючее растение пустыни. Употребляется в пищу верблюдами.

⁵ Это растение употребляется для обжигания кирпичей, очень ярко и сильно горит. Вероятно, здесь подразумевается именно такое его горение.

⁶ „jeŋ,pe“ — жена старшего брата или тетка.

⁷ Дословный перевод „в чашке-блюде“. По объяснению туркмен, слово „tôwǵe“ — старинное; точное значение его им самим не вполне ясно. Ему соответствует турецкое „tepsi“ — поднос, блюдо. Здесь подразумевается чашка, из которой она ела, будучи дома.

qъzъl čuwāl öñündê
 or(ь)nъm qaldъ ene-çān
 āq mājānъñ üñtündê
 or(ь)nъm qaldъ ene-çān
 lāle-çān-a hañ lāle.

2-я песня

Слова свекрови:

ol ōwodā b(ь)r gelin
 menden jüñüñi hem aθ(ь)jār
 okçeθini qaldъrъp
 qaraqъlъ(ь)nъ baθъjār
 altъ āida b(i)r jilde ¹
 hālъ palāθ şo doq(ь)jār
 θen nāme iş ettiñ öñiñde
 bed-āθъl bed-ðāq gelin
 ilin gelini gelende
 qarçъn čuwol getirjār
 aşaqъ bāş qat keçeli
 θaq dülъnda ² oturjār
 θen nāme iş ettiñ öñiñde
 bed-aθъl bed-ðāq gelin

Ответ невестки:

jāş ulъçъlъ(ь)ñъ ³ jъñajъp
 q(ь)rān ⁴ θānāp bermediñ
 θaçaqъlъ(ь)nъ jāq edip
 gelinim dîp gelmediñ

¹ Для римфы, вместо „jъlda“.

² dül < duwul (duwāl), перс. — دیوار — стена.

³ Интересный синтаксический оборот: „возраст его большой“ (старик), с уменьшительной частицей „çъq“.

⁴ Персидское название монеты.

Перед красным мешком¹
Осталось мое место, [о,] душенька-мама!
На белой верблюдице
Осталось мое место, [о,] душенька-мама!
Ляле джан-а, хай ляле!²

2-я песня

Слова свекрови:

В том ауле одна невестка³
[При встрече] передо мной [из скромности] опускает лицо.
Подняв свои каблуки,
Ступает на носках.
Шесть месяцев в году
Она ткёт ковры и паласы,
А ты что делала у себя дома,
Подлая, дрянная невестка?!
У других невестки, когда приезжают [в дом жениха],
Привозят мешки [с приданым];
На кошмы в семь слоев
Садятся в своем правом углу кибитки.⁴
А ты что делала у себя дома,
Подлая, дрянная невестка?!

Ответ невестки:

Ты не собирала своих стариков,⁵
Ты не считала и не давала [за меня] деньги,
Ты не приехала [к нам] с угощением,⁶
Говоря: „[о,] моя невестушка!“

¹ Подразумевается место у коврового мешка с приданым, повешенного на стене той части кибитки, где обычно сидят за приготовлением приданого „кайтармы“, т. е. „молодухи“, взятые своими родителями обратно, до полной уплаты калыма за них. По обычаю женщина должна была сидеть лицом к мешку, прячась от людей.

² „Ляле“ — название женских песен; „джан“ — ласкательное слово — милая, душечка; „хай“ (hai) — возглас одобрения. Возможно, что первоначально этой последней фразой певица как бы выражала одобрение песне: „песня — душечка, ай да песня“, но впоследствии фраза утратила свое значение и воспринимается просто как набор слов, не имеющих смысла.

³ „gelin“ — невеста, невестка, молодуха, молодая женщина.

⁴ Дословно: садятся в своем правом углу, внизу которого кошмы в семь слоев.

⁵ Подразумевается: для сватовства и сговора с родителями невесты. Тов. Карпов в своей статье „Аламаны“, приводя слово „яшули“ (jāšulı), переводит его: старик, знаток быта, прошлой истории своего племени (Туркменоведение, 1931, № 5—6, стр. 28, сноска 1). К „яшули“ обращались и за разрешением споров; из песни видно, что jāšulı выступали также в качестве сватов.

⁶ Дословно: ты не обмаслила свою салфетку [в которую должны были бы быть завернуты съестные припасы, предназначенные в подарок].

horçbnc̣ḅoṛṇḡdan č̣ḅqaṛḅp
 parčam šoçaṛa¹ dīp bermedin̄
 nā jūdūṇē keplāīdin̄
 bed-aṇyl beḏ-ḏād² qāin³
 ertir turup eilām⁴ beilām(i) qarjārḍbm

aj̣nām baş daraṛbm(ḡ) aḷḅp arṭḅp ṭač̣bm(ḡ) darjārḍbm
 ol owodān šo⁵ owā⁴
 ōḏimki dīp geljārdim
 nā jūdūṇē keplāīdin̄
 bed-aṇyl beḏ-ḏād qāin
 nāme isin̄ bar menin̄ bilen
 hālan̄bm(i)⁵ ettim ōimiḏde

3-я песня

orāḏ-gūl dīr āh-ḡ-ḏāṛṇḡ⁶
 āṛlaī āṛlaī kōr dīr gōḏīn̄
 peidā⁷ wermez ṭoṇkū⁷ ṭōzīn̄
 indi qajil gelgin q̣ṛnaq
 orāḏ-gūlden ārāṇḡ ač̣ṭṇḡ
 gōḏeṇḡḡen⁸ qān̄n̄⁹ jāšla deštin̄
 oṛlonnārdān daša dūštin̄
 indi qajil gelgin q̣ṛnaq

СТИХОТВОРЕНИЕ КЕЙКИЛЬ БЕРДЫКЫЛЫЧЕВОЙ¹⁰

Ajallar

Qara ejde qabaḷḅp jatan ajallar,
 Şu gyn azaṭḅṛa c̣ḅqçaq gynin̄izdir;
 Deṇlik ycin suvsap jatan ajallar,
 Haq̣bm ber dijip doṛḡḅ baqçaq gynin̄izdir.

¹ šoçaṛa¹ — слово šo — „это“, с уменьшительной частицей; точный перевод был бы „эточко“.

² Вместо — bed-ḏād.

³ Литературная форма — qaj̣n.

⁴ Вместо šo ōwaa. Второе „a“ — суффикс дат. падежа, — здесь произошло стяжение так же, как и между словами šo и ōwa, где „šo“ в слове šo и долгое „o“ в следующем слове в произношении слились в один долгий звук „ō“.

⁵ Конечное „b“ в hālan̄bm̄ под влиянием соседнего слова, начинающегося на „e“, превратилось в едва слышное „i“ (восходящая ассимиляция).

⁶ āh-ḡ-ḏār (اِهْ و اَر) — с персидского.

⁷ Вместо ṭoṇkū слог „k“ ассимилировался с предыдущим (лабиализировался и вместе с тем смягчился под влиянием последующего слова).

⁸ Вместо gōḏin̄, den.

⁹ Вместо qān̄b̄.

¹⁰ При перепечатке этого произведения сохранено правописание подлинника.

Ты не вынула из своей сумки¹
И не дала мне, говоря: „[вот] это моя материя [в подарок тебе]“.
Какое ты право имеешь [так] говорить,²
Подлая, дрянная свекровь!
Встав утром, я посматривала по сторонам,³
Взяв свое зеркало и гребенку, я лишний раз
расчесывала себе волосы.⁴
Из [своего] того аула в этот аул
Я приезжала, считая его своим.
Какое ты право имеешь [так] говорить,
Подлая, дрянная свекровь!
Какое тебе дело до меня,
У себя дома я делала то, что хотела.

3-я песня

Твой вздох и вопли, Ораз-Гюль,
Твои глаза от плача⁵ ослепли
[Но] поздние слова твои не принесут пользы, —
Так примиришься же теперь [с этим] рабыня!
Ты отделена от Ораз-Гюль,
Кровавыми слезами из твоих глаз ты их пробуравила [насквозь]⁶
Ты оказалась вдали⁷ от [своих] сыновей,
Так примиришься же теперь [с этим] рабыня!

СТИХОТВОРЕНИЕ К. БЕРДЫКЫЛЧЕВОЙ

Женщины

Женщины, заключенные в мрачных⁸ кибитках,
Сегодня день вашего освобождения;
Женщины, жаждущие равноправия,
Настал ваш день, когда [вы можете] смотреть вперед
с требованием справедливости.⁹

¹ „hoꝛſbriſz q“ — небольшая двухсторонняя сумка, навьючивающаяся на животных так же, как наша переметная сума.

² Дословно: „на какое лицо твое ты болтаешь“.

³ Вероятно подразумевается: смотрела, не едут ли родные жениха.

⁴ Повидимому приговоряясь ехать в аул своего будущего мужа, что можно заключить из последующих слов песни.

⁵ Дословно: плача-плача твои глаза ослепли.

⁶ Т. е. доведя до слепоты.

⁷ Дословно: попала вдаль.

⁸ Собственно: черных (в значении: прокопченных дымом), но это слово употреблено здесь скорее, как бранное.

⁹ Дословно: говоря „давай мое право!“

Ərlər qarşы bolsa, көйсінлер јаньр,
Бақмань, оға siz, calьşың ојаньң;
Azatлығьн şerbetinden siz қаньр,
Bu gyn zulмьң өјin јьққақ gyniңizdir.

Deң-duşымьзь duşman pula satдылар,
El-ајауымьзь баулап quja atдылар;
Dert-bəşimizi bir puldara satдылар,
Indi azatлыға сыққақ gyniңizdir.

Oktjabrdan sonьra biz azat boldьқ,
Qoldan giden haq-huquqымьзь aldьқ;
Bzda қalan басылара göz saldьқ,
Çebir-zulмьң өјin јьққақ gyniңiz[dir].¹

Jaşadьқса ьнқылабың gynesi,
Jaşar ајалларьң azatлық işi;
Aң-bilim² hynerden jene yliši,
Almaq ycin bu gyn сыққақ gyniңizdir.

Kejkil Berdiqьльсьvа

¹ В тексте, с которого перепечатано стихотворение, слово „dir“ в этой строке пропущено.

² В подлиннике: Aң-bilime. Приставка „с“ при перепечатке нами не внесена как лишняя.

Наших подруг продавали за вражеские деньги,⁴
[Нас] бросали в колодцы, связав нам руки и ноги;
Нас продавали по четыре-пять [разом] одному,
имеющему деньги,
Теперь настал день вашего освобождения.

С тех пор как существует солнце революции,
Будет существовать и дело освобождения женщин;
Настал ваш день выйти сегодня, чтобы взять,
И [вашу] долю из знаний, наук и искусств.⁶

⁶ „hyper“ — искусство, ремесло. В переводе две последние строки переставлены. Разрядка моя (О. III).